

Летом 1954-го года папа во второй раз вывез всё своё семейство в Батуми к своим родителям - нашим грузинским дедушке и бабушке. Меня очень смешило, что "дедушка" по-грузински звучит "бабуа", "бабушка" - "бебиа", а "мама" - "деда".

Бабушка по-русски не знала ни слова. Дедушка русский вроде бы знал, но он был уже плох и вообще еле ворочал языком. Сидел целыми днями во дворе на стуле, опираясь на палку и греясь на солнышке. Двухлетняя Милочка его побаивалась, а однажды ни с того, ни с сего швырнула в него камнем, попала в горбину носа и оставила на ней пометину. Дед её за это чуть палкой не прибил.

Грузинский язык мы, дети, так и не освоили: видно, мало жили. С ребяташками местными общались по-русски, среди них почему-то оказалось больше армян и греков, чем грузин. Запомнились лишь отдельные фразы, чаще других звучавшие во дворе и на улице, вроде такой: "Ра гинда, кацо, ра?" ("Что хочешь, дорогой, что?").

Гогуца с папой и мамой, Батуми, 1947 г.

Бабушка Христинья, Тбилиси, 1973 г.

Сильнейшими впечатлениями этой поездки были, конечно, горы, которыми можно было любоваться вблизи из окон поезда, а издали - с нашей улицы Карла Маркса, и море. Горы, к сожалению, оказались для меня недоступными, как ни мечтал я подойти к ним поближе, а вот с морем удалось по-настоящему подружиться, благодаря нашей маме - заядлой купальщице. Мы с ней ныряли в стеной встающие волны даже в штормовую погоду, когда над пляжем развевался запрещающий купание красный флаг, а вблизи дна прибоем волочило здоровенные камни.

Хотя до моря идти было далековато, мы ходили на крупногалечный батумский пляж почти каждый день, брали с собой хлеб, огурцы, помидоры и возвращались только к вечеру. Приостанавливали наши купания лишь систематически обрушивавшиеся на Батуми ливни, к счастью, в тот сезон не слишком продолжительные, после которых вода в море становилась тёмно-коричневой с жёлтой пеной. В самом городе, не у моря я томился, плохо переносил жару, а тем более с батумской влажностью.

Заканчивалась наша поездка событиями плохими: тяжело заболела тётя Гогоца, её лечили домашними средствами приглашённые знахарки, заставляли принимать раствор медного купороса, а когда положили в больницу, то спасти было уже нельзя. Впрочем, она, видимо, была обречена - рак.

В поезде обметало рот Милочке - стоматит, а я вёз какую-то болячку на затылке, появившуюся после посещения батумской парикмахерской. Эта болячка быстро разрасталась и оказалась стригущим лишаем. Мама свозила меня в Ленинград, где голову мою облучили рентгеном, после чего через несколько дней все волосы выпали и я начисто облысел. Меня во второй раз в жизни положили в больницу, в Весёлом посёлке за мостом Володарского.

Лечение состояло в ежедневном мазании всей головы йодом или зелёной. В процедурной по утрам толпилась живописная очередь из оранжевых и изумрудных лысых голов, в палатах все ходили в чепчиках. Эти чепчики присыхали к лишаям, и в процедурной их безжалостно сдирали с голов.

В больнице я написал стихи:

Александр смотрел в окно,
А на улице темно.
Ничего не видно,
До чего ж обидно!

Через месяц меня выписали. Я снова с наслаждением вдыхал свежий воздух. Голова моя начала покрываться нежным, как у младенца, пушком, а вскоре выросли и новые волосы, более жёсткие и вьющиеся, чем прежде.

([продолжение следует](#))